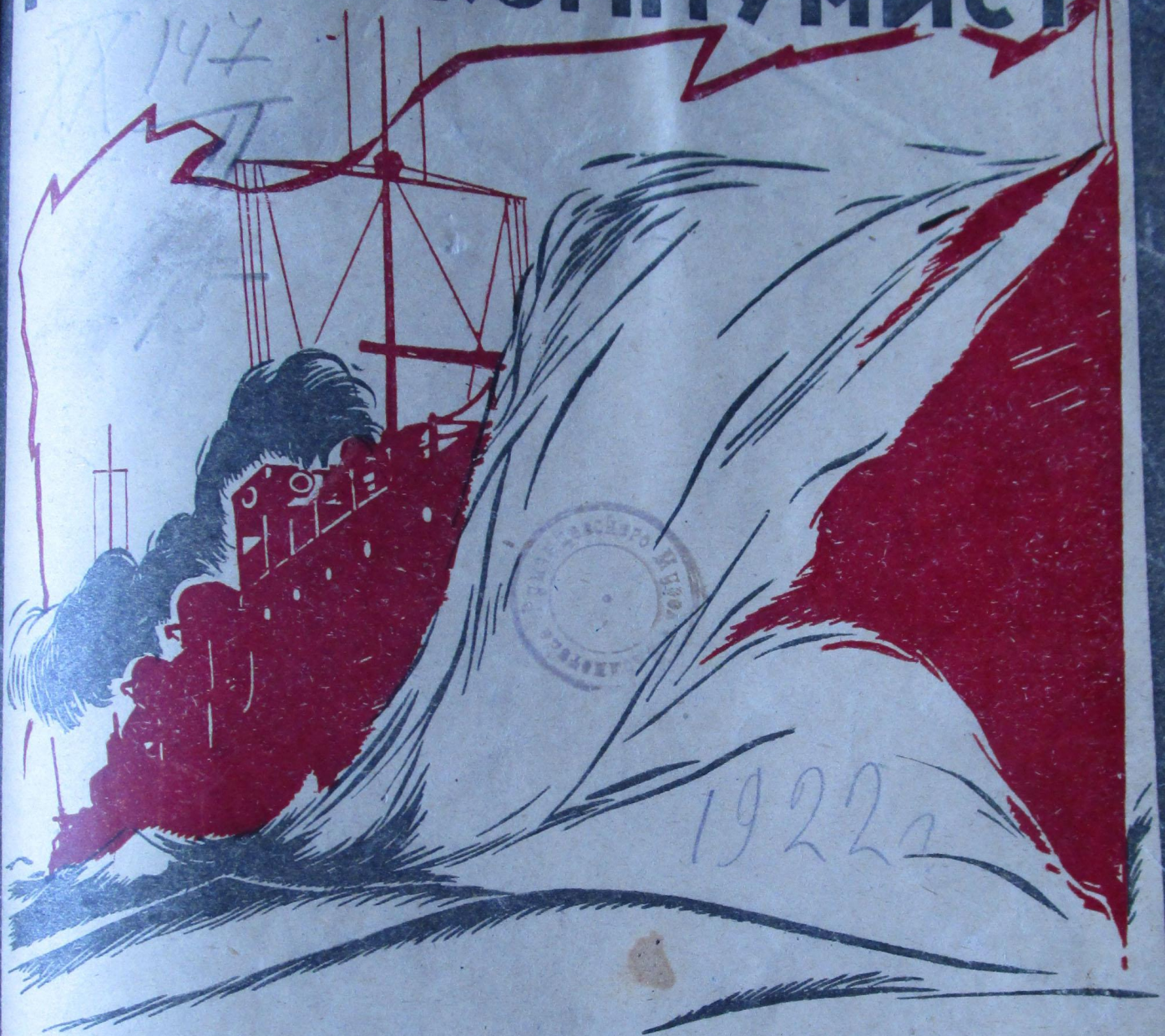

7-10-18 7

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

РКМШФ
КРАСНОГО ФЛОТА

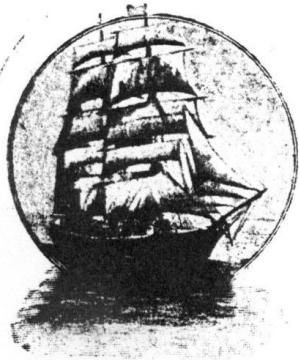
№ 17-18

ДЕКАБРЬ

1922

НА МОРСКОЙ УЧЕБЕ.

(Наброски.)

I.

На лысине горы — казармы. В кольце серых унылых корпусов — хозяйственные постройки и обширный каменный плац, за два века плотно убитый тяжелыми солдатскими сапогами.

Через бухту, на другой горе, в веселой разбегающейся зелени садов тонет черепичный город, но его шум и звяк не долетают до

казармы. Серая казарма живет своей, особенной жизнью, с птичьего полета: угрюмой и бездушной, на деле — тяжеловатой, механически-четкой и нужной, не лишенной своеобразной суровой красоты.

Во дворе перед входом в главный корпус гомонит партия присланных с севера мобилизованных комсомольцев, одетых в самые разнообразные наряды. Среди сундучков и мешков — обтрепанные фигуры, и сами похожи на мешки. Из общего гама отдельные голоса:

— Давай, разбирайся живей!..

— Намучились за дорогу!..

— До места бы скорее!..

Составляют списки. Ждут кого-то.

Для многих казарма — неприятная неожиданность. Ехали — думали, что прямо на корабль попадут, а на другой же день — в дальнее плавание. Да не тут-то было.

— Попали в рай на самый край, где гошки обжигают!..

— Жрать охота!..

— Э, вы еще семеро за одной крысой не бегали.

Прикатили музыканты. Начальник отбалабонил трескучую отеческую речь; во внимательные, усталые лица прибывших хоботы труб грянули Интернационал, и с песнями ребята рванулись в казармы. По каменным лестницам градом посыпались сотни сапог.

Зашумели разбиваемые токи соломы, набиваемой в матрацы и подушки. Позвякивали новенькими котелками, неслись на камбуз (кухня) за обедом, на двор — за водой. Холодные, неживые казармы сразу наполнились звонким криком и раскатистым, колющимся смехом.

До позднего вечера гнездились, умащивались. Разводящие поставили караулы, дежурные назначили дневальных и уборщиков и притомившиеся за дорогу ребята захрапели, как зарезанные. Кати пушки — не разбудить.

В морской казарме все сбито и выковано из железа и камня. Железные ворота, решетки заборов, каменный двор, железные койки на столетнем асфальтовом полу, чугунные, литые раковины, в гальне (уборная) — медные умывальники, каменные, никогда не нагревающиеся стены, потолки и даже оконные рамы — и те железные. Железо и камень...

Каменные, никогда не улыбающиеся лица начальников, парусиновая, под цвет камня, роба (рабочий матросский костюм). Плюхающие по минутно тяжелые ошметки морских угарных матюков. Железная дисциплина.

II.

Кроме комсомольцев, в батальон молодых моряков с далекого севера «пригнали» пехотный полк. Красноармейцы раздетые, разутые, грязные, выворачивающие слова на «о», настоящие «Ваньки», как их окрестило матросское остроумие. Сплошь зеленая молодежь. Но всякий даже самый захудалый «Ванько» моментально преобразуется, лишь только влезает в морскую одежду. Подтягивается, вбирает брюхо, тверже ставит шаг, сплевывает через нижнюю губу, походя лаеет зернистой руганью, как-то и полается настоящему моряку.

В лесу деревья не ровны, в артели — люди. Самое здоровое ядро составляла рабочая молодежь, выварившаяся в котле пролетарской спайки. Этим никакая дисциплина, никакие страхи не страшны.

— Давно привычны!..

— Приварок плох?.. Так мы и дома лучшего не едали!..

— Дисциплина нам ништо.

Другая группа — красноармейцев, которые, несмотря на ранние годы, уже успели побывать в гражданской войне и покормить солдатских вшей. Эти тоже не робеют и за всякое дело берутся дружно и цепко. На самом последнем плане — необтесанные «Ваньки» и «бывшие люди», хлебнувшие дольства: работавшие в чека, побывавшие на ответственных «должностях». Этим то — нехорошо, другое неже. И приварок плох, и гоняют не в ногу, и слободы мало, и хлеб плохой, и в баню редко водят. Соберутся два-три «Ванька», заскребут во вшивых затылках:

— Жизнь хуже жестянки!..

Красноречивый вздох.

— Эх, дома я, бывало жрал!.. Щи мясные, картошка жареная со свиной и со сметаной!..

— Это не то, а вот я!..

Всего у них и разговору.

На занятия их куском не заманишь. Один болен, другой в околотке, третий за хлебом ушел. Выстроит их бывало бравый ротный на палубе.

— Ну, страдающие, жаждущие, немощные, пленные, убогие и болящие, — и таким крепким ругательством загвоздит, что те только пошатнутся.

Зато как обедать, так болящие, немощные на камбуз кинутся в драку — собаку — только пятки по лестнице зашлепают. Стыдненько, да зато сытненьки.

Сперва многим ребятам не по душе пришлась суровая морская дисциплина, да ничего не попишешь. Навернется горькая солдатская слеза — молчок — в кулак ее и об штанину, только всего и разговору.

* * *

Рано по утрам, когда так сладок молодой сон, оглушительно играет горнист,—пора вставать. Каждого тянет уткнуть нос под одеяло, да поспать еще какую-нибудь минутку. Но когда пахнут, руками не машут. Не полагаясь на горниста, по камерам идут дневальные и старшины и режут, как верблюды.

— Поднимайся, вашу мать!..

— Живо, живо ворочайся!

— Встаем, встаем, не разевай хлебало-то...

До проверки меньше получаса. В это время нужно успеть одеться, слезать в галюн, умыться, вынести из-под койки, прибрать постель, сбежать за кипятком, которого на всех не хватает, позавтракать и выпить чаю.

III.

Делов не мало,—только успевай повертываться. На счету каждая минута. Каждое движение высчитано. В первое время растапистые ребята никак не успевали. Потом мало-помалу попривыкли ко всему на свете. Дисциплина вышибала жир из дряблых душ. Заострялись и взмускуливались все движения. И только теперь многим становилось ясной ловкость и хваткость старых моряков.

После проверки выгоняли на двор. Батальон, разбитый на роты, маршировал и так и этак. В первые деньки туго давалась нехитрая солдатская наука. Нескладные и неповоротливые ребята не понимали команды, пугались резких окликов ретивых начальников, забывали, какая нога левая, какая правая. Учились стойке, расчету и маршировке.

— Ать, два... Левый, левый!

Взводные вьюнами вились:

— Реже шаг! Ать, два, три...

Ребята выравнивались, подтягивались и после всякой похвалы чувствовали себя настоящими моряками.

— Ножку дай... Ать, два!

Крики команды и тяжелая матерщина до полдня висли над плацом.

Окруженные свитой флаг-секретарей и адъютантов по фронту проходили начальники и приветствовали:

— Спасибо за гимнастику!

— Служим народу!

В ответ ревели одной глоткой:

В казарменных корпусах перекатывалось и металось громовое эхо.

К вечеру смертельно-усталые набивались в каменное брюхо казармы, расползались на кучки. Чайничали при тусклом свете редких электрических шкаликов. Намотавшись за день, говорили мало, каждому было свое дорожке и каждый думал своей думой молча. Устало валились спать. Откуда-нибудь из угла гремела песня разухабистая:

Эх, пошли девки

На ра-бо-ту,

На работу, кума,

На ра-бо-ту-у...

Тяжелыми опметками плюхалась матерщина. Не спалось от холода и зудящей тоски. Молча лежали притихшие и покорные, и только думки птицами вились над далекими родными домами.

Песня расталкивала тишину:

Эх, на ра-бо-те
Припотели-и,
Припотели, кума
При-по-те-ли-и...

IV.

Молодой моряк Федя Горшков в казарме не только людей—тени своей боялся. А не артельный в артели все-равно, что собака в волчьей стае: разорзут.

Тошнехонько. Мелкими издевками доняли озорники, засмеяли Федьку, проходу не давали. И торчал он среди людей—как пугало в горохе.

Выдали робу казенную, и ей не обрадовался: лучше бы голым ходить, только дома. Совсем от рук отбился парень, хоть в петлю впору. Товарищи, бывало, на занятиях, а он поровит унырнуть в темный угол, или перекосит рожу—в госпиталь забьется. А то домой пидульку начнет царапать:

...А ищю любезный родитель да едино утробный братец! Желая Вам всего хорошего на белом свете, а также в Вашей жизни. Сообщая, что сделался я матросом. Каждый день по морю плаваю, а также выдали нам щеплеты и суконной одежи по сундуку, а жизнь мне все-таки не кажется и, тятя, не сможешь ли там—как меня отсюда выцарапать, в смысле крайней необходимости, ведь собака и та по дому жалкует...»

Дома-то за могучим отцовским горбом да за маляной матушкиной лаской сладко жилось Федьке. Горя да нужды не ведал. Рожка-то была как клюковка, а глаза как лукошки. Забриди парня. Вся родня за деревню провожать выходила, как покойника. Угнали, не спросили...

V.

Глаза страдают, руки делают. Все премудрости преодолены: выучились ходить по-военному, стоять, бегать, лазить, поразмяли, поразломили негнувшиеся спины, разучили ружейные приемы. Бегло проходили повторный курс.

С каждым днем дисциплина становилась строже. Отстающие в занятиях роты равнялись по более сильным. Весь отряд подтягивался.

Приближалось время выпуска. Казарменный «карантин» кончался. Впереди ожидали занятия в школах по специальностям, а там в плаванье, в мечтах о котором каждый молодой моряк проводил часы досуга.

И в роте, и за обедом и свободными вечерами только и разговору, что о выпуске. Гадали, какая школа лучше.

— В гидроавиацию бы затесаться... Летай себе по поднебесью, да на землю поплеывай!

— И артелеристом не плохо быть...

— Ну, сказанул тоже ал-те-ле-р-с-том,—не со-

глашается хозяйственник,—ловчей, по крайней мере, в машинную школу...

— Война кончится, воротись домой, опять ремесло в руках!

— Так оно так...

И только болящих да немощных такие разговоры не радовали.

Многие не выдержали не сладкой солдатской жизни—разбежались по домам.

Днем, когда рота уходила на занятия, Федька, оставшись в опустевшей казарме, ложился на жесткую казенную перинку, кулак под голову, раздумывается о доме, сердце в груди заворачивается.

В один злополучный денек отпросился парень в госпиталь, а сам на базар шмыгнул... Ходил по сладким рядам, калачи да разные съедобья любовно оглядывал. Колбасами жареными, да пирожками масляными, шипучими воняло. Соблазнился малый.

После недолгого раздумья завернул за какую-то лавчонку, дрожащими руками стащил с себя казенную фланелевку, клеш, перекинул на руки и пошел по базару.

Загнал Федька барахло, денег полны руки. Тыкался от палатки к палатке и ел все, что на глаза попадется. Ел, ел, икать начал, душа пузыри пускает, значит—сыт... От сытости сердце чесалось.

VI.

Подкатил день выпуска. Утро выдалось красное, ядренное. Горячее майское солнце билось в окна трепещущими, золотыми крыльями. В казарме спо-

заранку радостное возбужденье. Без рубашек, с засученными штанами ребята швабрами скребли каюту и палубу¹⁾.

К завтраку все было безукоризненно чисто. Не успело еще солнце разогреть воздух, как батальон молодых моряков, вытянувшись в повзводные колонны, начал извилистой дорогой спускаться вниз по городу. Одетые в черное, как ночь, сукно, ребята выглядели молодцами.

Над колоннами, как веселые, огненные птицы, плескались смеющиеся знамена. Начищенные до жару хоботы труб бросали в небо боевой гимн. Колонны шли, одной ногой четко отбивая такт и враз покачиваясь корпусом.

Мостовая садилась. Распугивая знойную дрему сна, несмолкаемым эхом перекатывалось «ура».

Батальон выпустили и распределили по школам. А Федьку после месячной отсидки в карцере выпустили и сунули в батальонную канцелярию рассыльным.

Своей новой должностью он вполне доволен—все лучше, чем за решеткой сидеть, да и на учебу не гоняют. Так канцелярской затычкой, должно быть, и останется. Видно птицу по полету, сокола по спуску, добра молодца по зеленым соплям.

Артем Веселый.

¹⁾ В морской казарме каютами называются спальные помещения, а палубой—средний широкий зал, проходящий во всю длину корпуса.

